

Арсеній, архим.; Заозерский Н. А., проф.; Голубятников С., студент IV курса; Чистосердов С., студент IV курса; Орлов К. студент IV курса; Малинин А., студент III курса; Богоявленский Н., студент IV курса Слово и речи, произнесенные при погребении профессора В. Ф. Кипарисова († 28 января 1899 г.) // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 2. С. 267–286 (2-я пагин.).

Рѣчь О. Ректора Академіи, Архимандрита Арсенія, произнесенная предъ отпѣваніемъ.

Итакъ, окончились тяжелые дни твоихъ мученій; прервались томительныя, безсонныя ночи; успокоился ты на вѣки послѣ всѣхъ страданій и трудовъ; сонъ смерти смежилъ твои очи навсегда...

Что же воздадимъ тебѣ, возлюбленный собратъ нашъ, разставаясь и провожая тебя въ мѣсто вѣчнаго упокоенія? При гробахъ людей именитыхъ, изъ устъ витій мірекиихъ обычно слышатся похвальныя рѣчи, какъ послѣдняя дань почившему. Обрѣлось бы, конечно, чѣмъ прославить и твое имя, которое содѣлалъ ты незабвеннымъ для насъ и благоплоднымъ служеніемъ просвѣщенію духовному, и драгоценными произведеніями ума своего. Въ изображеніи привлекательныхъ и добрыхъ качествъ твоего сердца—мы могли бы собрать много блестящихъ и благоухающихъ цвѣтовъ, чтобы соплести изъ нихъ вѣнецъ похвалъ и положить его на твоемъ гробѣ. Но—что пользы? Гробъ все унесетъ съ собою въ землю, гдѣ все обратится въ персть и прахъ. Что и для тебя теперь въ похвалахъ человѣческихъ, болѣе или менѣе пристрастныхъ, (хотя много-ли пользы отъ нихъ и для живыхъ), когда ты предстоишь теперь суду Божию-страшному и нелицепріятному, когда ты окруженъ теперь Св. Ангелами—свидѣтелями жизни нашей вѣрными и неподкупными? Дерзну-ли я послѣ этого тревожить твой смертный покой суетными словами похвалъ человѣческихъ? Не въ этомъ ты теперь нуждаешься; не этого ты теперь просишь; просишь ты у насъ теперь молитвъ о себѣ.

И Церковь возлагаетъ на насъ, братіе, эту обязанность въ отношеніи къ умершимъ. Во имя братской любви къ по-

чившему, мы уже помолились, принесимъ безкровную умиловительную жертву за него, а сейчасъ и еще помолимся умилительно трогательными нѣснопѣніями

Но не хочется уйти отъ сего гроба, не извлекиши отсюда назиданія для себя. Гробъ каждаго человѣка болѣе или менѣе поучителенъ въ томъ или другомъ отношеніи, для тѣхъ или другихъ людей. Предлежащій гробъ почившаго *professora*, конечно, первѣе всего поучителенъ для насъ, проходящихъ средное съ нимъ служеніе, а затѣмъ—и для другихъ.

Желательно было бы намъ начертать умственный и нравственный обликъ его, сколько для назиданія, столько же—чтобы въ этомъ образѣ имѣть для себя хотя нѣкоторую замѣну утраченнаго нами собрата, хотя нѣкоторое утѣшеніе въ понесенной нами потерѣ. Но желаніе наше не можетъ быть удовлетворено вполне, такъ какъ почившаго мы знаемъ далеко не давно, всего около двухъ лѣтъ, и притомъ болѣзненныхъ, когда онъ сравнительно рѣдко показывался въ нашей средѣ, а второй годъ и совершенно былъ прикованъ къ одру болѣзни. Представляя это сдѣлать другимъ, болѣе близко знавшимъ усопшаго—товарищамъ, сослуживцамъ, слушателямъ, мы укажемъ на общій характеръ и основу его дѣятельности.

Усопшему собрату нашему суждено было Господомъ, раздаятелемъ служеній человѣческихъ, проходить скромное, паставническое служеніе. Дѣла его были не шумны, не блистательны; не сопровождался какимъ либо особенно замѣтнымъ сильнымъ умственнымъ или нравственнымъ движеніемъ въ томъ кругу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, какъ это бываетъ съ дѣлами сильныхъ и славныхъ земли; а составляли скромную лепту, поступившую въ сокровищницу дѣлъ, истинно полезныхъ для человѣчества. Вліяніе его не простиралось на огромныя массы людей, а ограничивалось небольшимъ кругомъ его духовныхъ питомцевъ. Но если людямъ, проходящимъ скромное служеніе, нуженъ образецъ и примѣръ добросовѣтнаго, полезнаго, проникнутаго христіанскимъ духомъ исполненія своихъ обязанностей и наглядное доказательство пользы и благотворности добросовѣтно проводимыхъ скромныхъ служеній; если имъ нуженъ примѣръ скромныхъ, въ тоже время привлекательныхъ, истинно христіан-

скихъ добродѣтелей: то мы смѣло можемъ указать этотъ примѣръ и образецъ въ почившемъ собратѣ нашемъ. Жизнь его была именно жизнью раба благаго и вѣрнаго, который былъ вѣрнымъ Господу въ маломъ,—и который достоинъ слышать обращенный къ нему сладкій гласъ Господа: *рабе благий и вѣрный, о малъ былъ еси вѣрнъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего.*

Не долговременна, правда, была жизнь почившаго: едва преполовили дни свои, и уже позналъ западъ свой. Но его сравнительно недолголѣтняя жизнь ознаменована долговѣчными плодами, которыми долго-долго будутъ питаться люди науки и любители истиннаго просвѣщенія. Есть не малое число жизней, которыя, сколько бы ни были продолжительны, не оставляютъ и слѣдовъ бытія своего на земли, или, что хуже всего, оставляютъ такіе слѣды, отъ которыхъ болѣзнуетъ самая земля. Не такова жизнь почившаго! Не скудное число талантовъ взаимодейать ему небесный Домовладыка, и не малую куплю сотворилъ въ нихъ вѣрный призванію своему рабъ Христовъ. Родившись въ духовной семьѣ, онъ съ малыхъ лѣтъ, подъ руководствомъ благочестивыхъ родителей, ¹⁾ направленъ былъ Промысломъ Божиимъ на стезю просвѣщенія духовнаго, по которому онъ шелъ твердо и неуклонно, начиная съ духовнаго училища, продолжая въ семинаріи одной изъ Поволжскихъ епархій (Саратовской) и окончивъ его въ нашей Академіи, куда онъ былъ посланъ на казен-

¹⁾ Съ родителемъ усопшаго о Феодоромъ, также покойнымъ теперь, намъ пришлось совершенно случайно познакомиться 12-тъ лѣтъ тому назадъ въ вагонѣ желѣзной дороги, во время одной изъ обычныхъ нашихъ въ прежнее время лѣтнихъ вакаціонныхъ экскурсій, по пути въ Москву изъ Лавры, куда мы прѣзжали на поклоненіе Преподобному, а онъ—поклониться Преподобному и повидать сына своего, лежащаго теперь во гробѣ Смиренный о. Феодоръ,—царствіе ему небесное,—произвелъ на меня весьма хорошее впечатлѣніе своей скромностью, но безъ униженія, услужливостью, привѣтливостью и добротою, которая проникала все его существо. Въ это время онъ былъ уже болѣзненнымъ. Помнится мнѣ, онъ сказалъ, когда зашла рѣчь о его здоровьи: „не удивительно, что я болѣю,—лѣта уже не молодыя,—но прискорбно мнѣ, что сынъ мой, человекъ еще молодой, начинаетъ прихварывать. Вѣда, эта наука! Больно много сидитъ надъ ней.“ Тутъ-то я и узналъ, что сынъ его профессоромъ Академіи, о чемъ онъ не безъ гордости говорилъ мнѣ..

ный счетъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ. Основательно подготовленный къ усвоенію высшихъ богословскихъ наукъ, онъ и здѣсь все болѣе и болѣе приумножалъ свои познанія во всѣхъ отрасляхъ богословскихъ наукъ, но преимущественно—въ области церковно-практическихъ. По отзывамъ товарищей, онъ возбуждалъ сильное удивленіе къ себѣ своимъ необычнымъ трудолюбіемъ.

Кончилось время образованія,—настало время дѣйствования. Свѣтлый, здравый умъ, обогащенный обильными и серьезными познаніями, простой и безхитростный складъ мысли, особенная ясность, естественность и общедоступность изложенія своихъ мыслей,—что проявлялось, по отзывамъ его товарищей, еще на студенческихъ сочиненіяхъ,—указывали ему на наставническое поприще, какъ на такое служеніе, которое онъ могъ проходить съ особенною пользою. Указаніе это было понято имъ, и служеніе наставническое избрано, какъ особенно сродное ему служеніе. Назначенный преподавателемъ одной изъ западныхъ семинарій (Виленской), онъ не долго здѣсь пробылъ: двери средней школы оказались для него тѣсны: его обширныя познанія потребовались для другой аудиторіи. И вотъ онъ призывается въ воспитавшую его Академію, чтобы послужить ей—родной, чтобы подѣлиться сокровищами приобрѣтенныхъ знаній съ ищущими ихъ—учащимися въ ней. Здѣсь, [при благоприятныхъ условіяхъ для занятія научными трудами, онъ всею душою предается имъ. Съ этихъ поръ онъ какъ бы умираетъ для внѣшняго міра; но отчуждившись отъ этого міра, отъ его тревоженій, онъ создалъ собственный *міръ*, доставлявшій ему *міръ* и душевное спокойствіе. Въ тиши кабинета, уставленнаго книгами, этими безмолвными, но вѣрными друзьями, онъ занимался такими вопросами, которые имѣютъ жизненное значеніе для каждаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не легко рѣшаются, требуя для своего рѣшенія основательныхъ и глубокихъ познаній. Это—вопросы о *свободѣ совѣсти*, о *церковной дисциплинѣ или свободѣ обряда*. Не много, правда, онъ писалъ; но это потому, что онъ не разбрасывался „по сторонамъ“; онъ зналъ цѣну печатному слову, и притомъ—слову профессора... Официальнымъ признаемъ учености его трудовъ является присужденіе ему магистерской и докторской степеней. Но высшею наградою служило для него несомнѣнно

го чувство удовольствія, которое испытываетъ истинный ученый въ самомъ процессѣ работы, даже независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Этимъ, думаемъ, объясняется то спокойствіе, которое отличало покойнаго; объясняется то равновѣсіе душевное, котораго ищутъ многіе, но не находятъ, не имѣя опредѣленнаго центра въ своей дѣятельности; объясняется и довольство своимъ скромнымъ положеніемъ, которое, при полной преданности Промыслу Божію, опредѣляющему жребіи человѣческіе, было отличительною чертою его отношеній къ самому себѣ, къ своему положенію. Самомнительность, которою часто грѣшатъ не истинно ученые, мысль о правахъ на лучшее состояніе, на высшее положеніе были неизвѣстны ему, хотя онъ и могли бы найти для себя поводы и основанія въ его трудахъ и заслугахъ.

Вѣрность въ маломъ, добросовѣстное исполненіе почившимъ своихъ обязанностей, искренняя любовь къ наукѣ, скромность въ сужденіяхъ о себѣ—да послужатъ къ нашему назиданію, да напоминаютъ и намъ каждый разъ, какъ только вспомнимъ объ усопшемъ братѣ, о нашемъ долгѣ добросовѣстно проходить свое служеніе высокому дѣлу духовнаго просвѣщенія и воспитанія духовнаго юношества. Тогда и мы, при вступленіи нашемъ во врата вѣчности, сподобимся услышать, какъ вѣруемъ, услышитъ ихъ и почившій братъ нашъ, вожделѣнныя слова Господа: *рабе благии и вѣрныи, о мать была, еси вѣренъ, иждь многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего.*

Къ тебѣ теперь наше слово, семья почившаго. Велика твоя скорбь, велико твое горе! Смерть захитила изъ твоей среды: горячо любящаго сына—опору въ старости 1); добраго супруга—неразлучнаго въ теченіе 16-ти лѣтъ спутника въ жизни; некрепко любящаго и попечительнаго отца своихъ дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторыя даже не будутъ ясно помнить его.

Мы теперь касаемся раны вашей не для того, чтобы еще больше растравить ее, а—по возможности уврачевать ее. Дерзнемъ-ли мы вмѣстѣ съ вами проникать въ тайныя для насъ пути всеблага Бога, по которымъ Онъ однихъ беретъ отсюда, другихъ оставляетъ, беретъ сына у старушки-матери,

1) На погребеніи присутствовала и здравствующая еще мать покойника.

береть отца, опору семейства, оставляетъ жену и дѣтей, вдову и сиротъ безпомощныхъ? Да не будетъ! Помните, что если Господу угодно было, чтобы человѣкъ жилъ и умиралъ, чтобы имѣли мы родителей, братьевъ, женъ, дѣтей, и въ часъ смертный, ихъ или нашъ, ихъ теряли, чтобы были на свѣтѣ вдовы и сироты; то знайте и вѣруйте, что Онъ, Всеблагій, заступаетъ мѣсто Отца и заступника. *Если мы, лукави суще, умѣемъ даянїя благодаяти чадомъ нашимъ,*—то Отець-ли нашъ небесный не пожалѣетъ о нихъ (Мат. 7, 11)? *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена: но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. 49, 15)... Вотъ къ Кому пужно обращаться и на Кого возлагать теперь свое упованіе!

Утѣшься же, мать-старушка! По закону естества не тебѣ бы слѣдовало смежить навѣки очи сыну твоему, а ему—тебѣ. Но Господь, препобѣждающій естества уставы, судиль иначе. Утѣшься, ибо ты родила сына, который служить честью твоею и нашею.

Да утѣшитъ Господь тебя, супруга усопшаго, въ твоей скорби! Въ молитвѣ объ усопшемъ и въ добромъ воспитаніи оставшихся на твоёмъ попеченіи дѣтей твоихъ ищи себѣ добраго, святаго, спасительнаго утѣшенія. Сочетай въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ нѣжность материнскую съ твердостью отца, котораго ты теперь въ своемъ лицѣ замѣнишь.

Да утѣшитъ Господь и васъ, осиротѣвшія дѣти! Твердо помните добрые святые уроки, которые давалъ вамъ отецъ и своими внушеніями, и свою жизнь, и постарайтесь сообразовать съ ними жизнь вашу. Это и для васъ будетъ великимъ благомъ, и ему въ загробной жизни — доставитъ радость и утѣшеніе.

А ты, усопшій собратъ нашъ, благослови своихъ дѣтей съ высоты небесной,—благослови на счастье, на горе и на все, что пошлетъ имъ милосердый Господь, да подастъ Онъ имъ терпѣніе и благодушіе во всякихъ обстоятельствахъ жизни. Вспомни предъ Богомъ и насъ грѣшныхъ, по долгу христіанскаго братства, стоящихъ теперь у твоего гроба. А мы, готовые бросить на прахъ твой прахъ земной, бросаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ наше послѣднее слово, чтобы молитвами Церкви проводить тебя въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Слово профессора Н. А. Заозерскаго, произнесенное во время запричастнаго стиха.

Въ ночь лица твоего съѣси хлѣбъ твой дождеже возвратишия въ землю отъ неяже взять еси: яко земля еси и въ землю отъидеши (Быт. III, 19).

Нынь же Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатою умершимъ бысть Якоже во Ада и вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ (1 Кор. XV, 20. 22).

Третій день близится къ полудню съ той роковой минуты, какъ пресѣклась страдальческая жизнь блаженно почившаго собрата нашего. Труженническая жизнь пресѣклась въ пору зрѣлости, мужества и крѣпости, пресѣклась жизнь дорогая и необходимая, казалось бы не одному ему, но и той съ кѣмъ Богъ благоволилъ ему дѣлать эту жизнь и тѣмъ кому они оба дали жизнь.

Близится къ полудню третій день, и все яснѣе и яснѣе обнаруживаются неизгладимые признаки исполненія грознаго Божественнаго приговора: *земля еси, и въ землю отъидеши*. Еще нѣсколько мновеній, и земля приметъ въ себя новаго насельника, чтобы превратить его въ себя.

За чѣмъ же, братіе, эта торжественность церковнаго священнодѣйствія? За чѣмъ мы здѣсь собрались? И не для молитвы ли только объ усопшемъ, когда уже для него все кончилось, но и для воздаянія ему послѣдней почести? За чѣмъ ты, всесветный храмъ Владычицы міра, облекся въ торжественность священнодѣйствія въ этотъ моментъ не только печали, но и исполненія Божественнаго приговора надъ усопшимъ?

У всѣхъ народовъ смерть человѣческая возбуждала не только скорбь, но и ужасъ и вызывала въ зрителяхъ ея одно непреодолимое стремленіе—бѣжать отъ нея, бѣжать отъ умершаго, отъ его близкихъ, еще болѣе отягчая ихъ печаль.

Одна ты, Св. Церковь Христова, во всемъ мірѣ не отвращаешься отъ умершихъ: не бѣжишь отъ нихъ, но собираешься и собираешь вѣрныхъ чадъ своихъ ко гробу, чтыши умершаго, ободряешь, утѣшаешь болѣзнующихъ и плачущихъ. Къ лицу усопшаго обращаясь, говоришь ты: *ближенъ*

путь въ оныже идеши онесь душе; обращаясь къ плачущимъ, говоришь: не скорбите какъ скорбятъ не имущи упованія.

Въ чемъ блаженство пути разрушенія? Какъ не скорбѣть при наглядномъ осуществленіи грознаго приговора Божественнаго Судіи?

Мы знаемъ, братіе, величайшую тайну христіанской смерти, мы обладаемъ вѣдѣніемъ свышеоткровеннаго ученія объ искупительной крестной жертвѣ и вѣруемъ, что тамъ, гдѣ крестныя муки достигаютъ послѣдняго конца своего—смерти, наступаетъ новая жизнь на мѣсто страдальческой

Единый ходатай Богу своею крестною жертвою *истребилъ рукописаніе* (обвиненія) *еже бѣ сопротивно намъ, и то взять отъ среды* (суда), *привоздилъ е на крестъ* (Коллос. II, 14).

Всѣ повинны предъ правосудіемъ Божиимъ, всѣ неизбежно несли и несутъ послѣдствія Божественнаго приговора: ибо смерть—*оброцы грѣхи*. Но идущій въ жизни во слѣдъ Христа, соумирающій Ему, имѣетъ рукописаніе всепрощающаго помилванія и совоскресаетъ съ Нимъ.

Такъ въ смерти о *Христѣ* мы созерцаемъ таинственное сочетаніе исполненія грознаго приговора праведнаго Судіи и непреложнаго обѣтованія Искупителя, — обѣтованія всепрощенія, примиренія и вѣчной новой жизни.

И вотъ Св. Церковь съ благоговѣйною вѣрою ежегодно въ великій день Пятидесятницы обращается съ благодареніемъ къ Судіи и Искупителю: *къ тебѣ, Господи, отходящимъ отъ житія сего работъ Твоимъ смерть, но претѣненіе съ лучшаго на лучшее, упокоеніе и радость.*

Вѣруя въ эту тайну и имѣя вѣчный залогъ исполненія ея въ крестной жертвѣ и воскресеніи Искупителя и Снаса нашего Иисуса Христа, въ третій день собираемся къ усопшему—не для выраженія безнадежной скорби и унынія, но для родственнаго прощанія съ отправляющимся въ дальній путь, ведущій въ новую, блаженшую жизнь покоя и нескончаемой радости!

При прощаніи свойственно выражать свои симпатіи отправляющемуся и молиться о томъ, чтобы предстоящій путь былъ блаженъ.

Да будетъ же позволено напомянуть о тѣхъ дорогихъ каждому христіанину чертахъ жизне-дѣятельности почившаго, свидѣтелями которой намъ пришлось быть!

Все время служенія своего почившій провель въ честномъ, изумительно-упорномъ трудѣ и по истинѣ вѣлъ хлѣбъ свой какъ награду за этотъ честный трудъ въ потѣ лица.

Не мѣлъ, конечно, разъяснять предъ вами, братіе, что ученый трудъ не только равенъ по тяжести, но превышаетъ трудъ физическій, превышаетъ бѣльшимъ напряженіемъ всѣхъ силъ умственныхъ, нравственныхъ и органическихъ и при разныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ способенъ доводить труженика по истинѣ до пота кроваваго.

Не мѣлъ, конечно, объяснять, что богословско-ученый трудъ, въ частности, едва-ли не тяжелѣе всѣхъ прочихъ видовъ ученаго труда. Широта ученаго кругозора, отвлеченность предмета изученія, тонкость умозрительнаго разъясненія, искусство умозрительнаго сочлененія и связи, точность выраженія, — вѣдь это *здесь* необходимость, а не рѣдкія выдающіяся черты отдѣльныхъ исключительныхъ талантовъ.

И чѣмъ *жизненно* отвлеченный предметъ, подлежащій изученію, тѣмъ требовательнѣе ученый судъ къ изслѣдователю. Какой же изъ богословскихъ предметовъ занималь нашего почившаго сорботника? Вопросъ о свободѣ совѣсти и въ частности вопросъ о свободѣ обряда и церковной дисциплины съ точки зрѣнія православной Церкви—вотъ предметъ его упорнаго труда.

Насколько для меня была открыта и устными бесѣдами и вышедшими въ печать произведеніями душа покойнаго, дерзаю увѣрять, что этотъ въ высшей степени сложный вопросъ, запутанный и новый въ той постановкѣ, въ какой взять его для изслѣдованія покойный, былъ, такъ сказать, центромъ всей интеллектуально-нравственной жизни почившаго.

Обширная святоотеческая *учительная* литература—близжайшая спеціальность покойнаго,—каноническое и государственное право, гражданская и церковная исторія, необыкновенно широкая ученая западно-европейская литература спеціально по вопросу о свободѣ совѣсти—неотразимо приковывали къ себѣ усиленное вниманіе почившаго въ той мѣрѣ, въ какой такъ или иначе они освѣщали этотъ глубокожизненный христіанскій вопросъ.

Поистинѣ съ неустойчивымъ усердіемъ и добросовѣстностію ищелы, собиравшей съ разсѣянныхъ всюду цвѣтвъ микро-

скопическія капли меда, покойный собиралъ съ своихъ книжныхъ цвѣтовъ сладкій медъ истины Христовой и заботливо укладывалъ его въ ячейки, приготовляемыя имъ самостоятельно изъ своего духовнаго существа, оберегая чистоту и сладость истины ученія Христа отъ пыли и горечи, какую оюда приносили какъ легкомысленное равнодушіе къ вѣрѣ, такъ и слѣпой фанатизмъ.

И ничто, ничто не въ силахъ было отвлечь душу его отъ этой работы.... Если бы почившій прожилъ еще столько же лѣтъ, сколько прожилъ, можно, кажется, сказать, что не утратилъ бы этой любви

Да, едва ли не пакаунтъ смерти, онъ озабоченъ былъ желаніемъ излѣчить свою пораженную болѣзнію руку: потому что, говорилъ, мнѣ надобно писать.

Не довершилъ покойный своего труда; но то, что изъ этого труда успѣлъ увидать свѣтъ, съ восторгомъ встрѣчено ученымъ міромъ и,—можно быть вполне увѣреннымъ,—найдетъ себѣ продолжателей по проложенному усопшимъ пути. И дай Богъ, чтобы такіе труженики нашлись въ возможно большемъ числѣ

Вотъ во глубинѣ души таившійся смыслъ учено-труженической жизни почившаго! Вотъ внутренній жизненный свѣточъ и движитель, озарявшій и возбуждавшій его ученую дѣятельность!

И повинуюсь ему, прилагая на трудъ многія и честныя силы свои, усопшій заслужилъ себѣ право на глубокое уваженіе и симпатію.

Собравшись нынѣ на послѣднее торжественное съ нимъ прощаніе, мы этимъ исполнили только нашъ долгъ въ отношеніи къ нему, почти достойные труды его.

Нашъ второй долгъ—молитва о немъ, да будетъ воистину *блаженъ* путь, которымъ идетъ онъ нынѣ. Итакъ, помолимся о немъ! О чемъ и какъ помолимся? Весьма легко отвѣтить на эти вопросы: сейчасъ послѣдуетъ нарочитое молитвенное напутствіе Св. Церкви: приникнемъ умомъ и сердцемъ къ этому молитвословію. Болѣе приятной Богу и благопотребной молитвы о усопшемъ не вѣдастъ міръ Аминь.

Рѣчь студента IV курса, свящ. Сергія Голубятникова.

Собралась вся наша академическая семья отдать послѣдній долгъ тебѣ, дорогой нашъ профессоръ Василій Θεодоровичъ! Еще немного,—и бранные останки твои сокроетъ сырая земля и только могильный холмъ да крестъ на немъ будутъ указывать на мѣсто твоего погребенія.

Да, братія, какъ не воскликнуть съ Псалмопѣвцемъ: *человѣкъ яко трава, днѣ его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ* (Псал. 102, 15). Движемся мы на юдоли земной только мигъ какой нибудь, а потомъ наше „я“ исчезаетъ на вѣки здѣсь на землѣ, какъ имя начерченное на пескѣ, какъ тихій шепотъ уносимый вѣтромъ!

Давно-ли? всего годъ назадъ видѣли мы еще здѣсь труды твои, дорогой нашъ профессоръ! и мы-твои послѣдніе ученики—были свидѣтелями твоихъ усиленныхъ и чрезмѣрно-напряженныхъ трудовъ. Тяжкій недугъ подорвалъ твое здоровье, но любовь и привычка къ дѣлу, а можетъ быть и надежда на поправленіе здоровья заставляли тебя еще трудиться. Признаемся, трудно было намъ слушать тебя: при самомъ усиленномъ вниманіи, мы едва могли разбирать чтеніе твоего слабого голоса, а главное, уже больного и непослушнаго языка. Слушая, мы скорбѣли за тебя, но думаемъ, что самъ ты еще болѣе насъ скорбѣлъ, напрягая свои послѣднія силы и едва справляясь съ своимъ разбитымъ языкомъ. Но все-же ты пересиливалъ свою немощь и трудился, пока совсѣмъ не ослабѣли твои силы и не побудили тебя оставить кафедру послѣ многихъ лѣтъ занятія!

Но что такъ рано сразило тебя, сѣятеля высшей духовной науки? Зачѣмъ ты такъ скоро покинулъ нашу „отшельническую“ Академію? Вѣдь, кажется, здѣсь вся обстановка такая, что-бы только жить да трудиться! Нѣтъ здѣсь столичнаго шума и бурной житейской суеты, какіе окружаютъ всѣ другія академіи. Аудитория, семья, библіотека и Лавра,— вотъ и все, что окружало тебя. Какъ все это просто и мирно! А между тѣмъ вотъ тебя сразила жизнь, когда-бы только жить да работать. Или тебѣ душно было въ этой тѣсной обстановкѣ, или эта обстановка только съ виду такъ проста и хороша, а на дѣлѣ тягостна и мучительна? Признаемся,

что нашъ братъ, деревенскій іерей, иначе рисуетъ картину профессорской жизни, окружая ее кромѣ всякихъ ученыхъ принадлежностей еще отличнымъ жизненнымъ комфортомъ, далеко превосходящимъ обстановку деревенскаго священника! Увы! дѣйствительность говорить иное...

Или быть можетъ усиленные занятія наукою надорвали тебя? Не знаю. Какъ-бы то ни было, а тебѣ приходится свести счеты и подвести итоги своей жизни, дабы предстать предъ лице Судии милосердаго, но и праведнаго.

Въ пору мужа совершенна тебѣ пришлось покинуть науку и жизнь и прикрыться холодной землей. Много, быть можетъ, ты принесъ-бы еще пользы наукѣ, а главное, какъ много еще нуждалась въ тебѣ семья твоя, состоящая большею частію изъ малолѣтнихъ дѣтей! Не судилъ тебѣ Господь видѣть своихъ дѣтокъ пристроенными,—и остались бѣдныя сироты горе мыкать по свѣту. Подкрѣпи, Господи, и пошли здоровье матери ихъ, если неисповѣднымъ судьбамъ Твоимъ угодно отнять у нихъ отца!

„Спасибо“ же тебѣ, дорогой наставникъ, за твой трудъ, понесенный для насъ при всей тяжести недуга твоего! Приносимъ тебѣ сердечную благодарность, соединенную съ молитвою объ упокоеніи души твоей въ райскихъ обителяхъ!

Рѣчь студента IV курса С. Чистосердова.

Дорогой нашъ наставникъ!

Нынѣ въ послѣдній разъ являясь ты въ семь храмъ науки среди многочисленныхъ своихъ сослуживцевъ и учениковъ для того, чтобы услышать отъ нихъ послѣднее „прости“

Еще такъ близко то время, когда мы имѣли возможность часто видѣть тебя въ стѣнахъ родной Академіи и слышать твои живыя бесѣды,—когда ты съ академической кафедры поучалъ насъ—своихъ учениковъ, и разъяснялъ намъ средства и способы проведенія въ народныя массы истиннаго свѣта Евангельскаго ученія. Мало пришлось намъ, къ сожалѣнію, слушать твои добрые уроки, но тѣмъ цѣннѣе и памяннѣе они для твоихъ, можно сказать, *послѣднихъ слушателей*. Пріятно было слушать твои сердечныя и теплыя лекціи, но съ какимъ-то тягелымъ чувствомъ всякій разъ

выходили мы изъ аудиторіи, по окончаніи ихъ. Пріятно было слышать спокойную и ровную рѣчь о проповѣданіи слова Божія вѣрующимъ— съ любовію и смиреніемъ изъ устъ человѣка, который самъ, какъ учитель, былъ примѣромъ смиренія и съ истинною любовью относился къ своему дѣлу. Но тяжело было видѣть и наблюдать тѣ усилія, какія приходилось употреблять тебѣ на кафедрѣ. При твоихъ слабыхъ силахъ и болѣзненной напряженности, нужно было много энергіи и труда для чтенія,—каждая лекція не проходила для тебя безъ новыхъ страданій. Страдали и мы съ тобою, глубоко цѣня твою любовь къ дѣлу и искреннее желаніе подѣлиться съ нами своими познаніями. Нерѣдко физическая слабость побуждала тебя прерывать лекцію, и мы безмолвно оставляли за тобою аудиторію, не дѣлая даже тяжелымъ чувствомъ, и безъ того понятнымъ каждому. Около года прошло съ того времени, какъ въ стѣнахъ нашей аудиторіи въ послѣдній разъ слышали мы твою живую бесѣду.... Что-то особенное звучало тогда въ твоихъ рѣчахъ! Можетъ быть, и у тебя было предчувствіе, что ни аудиторія, ни студенты болѣе уже не услышатъ тебя. Но мы, выходя изъ аудиторіи, не могли не подѣлиться на этотъ разъ своими впечатлѣніями, и невольно каждому сердце подсказало тогда; „да, это, кажется, послѣдняя лекція В. Θ.“! Жаль было намъ разставаться съ тобою, послѣ твоего отказа отъ преподавательскихъ обязанностей, какъ жалко бываетъ учителя, долго-временно и не безъ пользы потрудившагося для науки, но мы сознавали, что это необходимо тебѣ для твоего душевнаго спокойствія и возстановленія здоровья; надѣялись, что живя и виѣ Академіи, ты, насколько позволятъ тебѣ твои силы, будешь помогать и руководить нами въ нашихъ научныхъ занятіяхъ, ты возстановишь свои подорванныя силы, необходимыя не для насъ только, но и для болѣе близкихъ тебѣ и искренно радовались всякій разъ, когда до слуха нашего доходила пріятная вѣсть объ улучшеніи въ состояніи твоего здоровья.... Но нѣтъ? Не суждено было тебѣ собрать свои расточенныя силы! Не суждено и намъ слышать твою живую бесѣду, а суждено встрѣтиться здѣсь, при этой торжественно-печальной обстановкѣ, поучиться теперь не отъ словъ, но отъ дѣлъ твоихъ. Предъ тобою болѣе обширная аудиторія, съ болѣе многочисленными

слушателями, предъ тобою твои родственники, сослуживцы и ученики, и каждому изъ присутствующихъ здѣсь ты безмолвно внушаешь послѣдній урокъ. Не мнѣ говорить о твоихъ ученыхъ трудахъ, не мнѣ цѣнить тебя какъ человѣка, — семьянина и сослуживца; пусть едѣлаютъ это люди, болѣе насъ знающіе тебя съ этой стороны. Но нашъ долгъ, какъ учениковъ твоихъ, побуждаетъ насъ при гробѣ твоёмъ еще разъ вспомнить о томъ, чему учили ты насъ при жизни, вспомнить о твоей любви къ своему дѣлу, о терпѣніи, смиреніи и кротости, съ какими ты выполнялъ его. Мы видимъ въ тебѣ примѣръ добраго учителя, съ самоотверженною любовію и съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и кротостью стремящагося подѣлиться съ нами своими богатыми знаніями, — и сознаемъ, что эта готовность къ труду, постоянныя заботы и волненія, необходимыя при такихъ занятіяхъ, преждевременно свели тебя въ могилу. О тебѣ поистинѣ можно сказать, что ты „дѣло, порученное тебѣ отъ Бога, совершилъ“ и съ честью и славою отходишь отъ этого міра. И твоя любовь къ наукѣ, твое всегда кроткое и сердечное отношеніе къ намъ, твоимъ слушателямъ, можетъ быть не разъ нарушавшимъ твой душевный покой, найдутъ себѣ откликъ въ нашихъ сердцахъ и благодарное воспоминаніе о тебѣ, какъ нашемъ руководителѣ и учителѣ „словомъ и жизнью“, сохранится въ памяти здѣсь присутствующихъ. Вѣчная тебѣ память, нашъ дорогой наставникъ!

Рѣчь студента IV курса Н. Орлова.

*Блаженъ путь, въ онъже идеши днешь
душе яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія
(Проким. предъ Апостъ въ чинъ погреб.
мірск. чел.)*

Въ послѣдній разъ нашъ академическій храмъ видитъ тебя, дорогой наставникъ, въ своихъ стѣнахъ. Въ послѣдній разъ твои бывшіе ученики и сослуживцы, твои знакомые и родные видятъ тебя здѣсь среди себя. Еще нѣсколько часовъ, и твои бранные, но дорогіе для насъ, останки на вѣки сокроются отъ нашихъ взоровъ. Святыя и трогательно-торжественныя минуты переживаемъ мы сейчасъ у твоего гроба.

Здѣсь, въ этомъ храмѣ, который ты такъ любилъ посѣщать при жизни, когда твои силы не были еще надломлены тяжелымъ недугомъ, здѣсь все напоминаетъ о небесномъ отечествѣ, здѣсь все проникнуто глубокой тайной спасенія человека, здѣсь—мѣсто горнихъ созерцаній. И сейчасъ мы собрались сюда, чтобы воздать тебѣ послѣдній земной долгъ, долгъ учениковъ—почившему наставнику, сослуживцевъ—умершему товарищу, друзей—отшедшему изъ этого міра другу, близкихъ—на вѣки покинувшему ихъ родному,—собрались воздать этотъ долгъ, какъ христіане—своему собрату во Христѣ, оставившему земную юдоль печали и слезъ и вступающему въ новую, вѣчную жизнь, исполненную блаженства. И никакая тѣнь сомнѣнія не смущаетъ насъ, когда мы обращаемся къ тебѣ съ обычнымъ, но глубоко-содержательнымъ, привѣтствіемъ земной Церкви каждому умершему христіанину: *Блаженъ путь, въ оныже идеши днесь душе, яко готовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

Да, мы глубоко увѣрены, что путь, въ который ты сейчасъ вступаешь, „блаженъ“, и что тебя ждетъ на небѣ „мѣсто упокоенія“, которое готовила тебѣ вся твоя жизнь.

Тяжела была твоя жизнь на землѣ. Не розами счастья былъ усыянъ путь, которымъ ты шелъ ко гробу, и ангель смерти, посѣтившій тебя три дня назадъ, не былъ для тебя такимъ неприятнымъ гостемъ, какимъ его обыкновенно представляютъ себѣ люди. Въ послѣдніе годы твоей жизни тяжелый недугъ, сведшій тебя въ могилу, отравлялъ и тѣ немногія радости земли, которыя ты еще оставлялъ себѣ при постоянныхъ и неусыпныхъ трудахъ. Но истинѣ, твоя плоть, лежащая предъ нами во гробѣ и присужденная къ истлѣнію, была для тебя огнемъ, въ которомъ седмерицею очистился твой духъ, чтобы свѣтлымъ и яснымъ, облеченнымъ въ брачную одежду предстать предъ Царя всѣхъ. Ты преждевременно состарѣлся, и этому главною виною быть, конечно, угнетавшій тебя въ послѣдніе годы недугъ. Но скорбна была твоя жизнь и безъ этого недуга; да и самый этотъ недугъ развился въ тебѣ лишь потому, что служенію родной и дорогой тебѣ Академіи ты посвятилъ всѣ свои силы и не переставалъ трудиться даже тогда, когда ихъ уже замѣтно истощила болѣзнь. Ты напрягалъ ихъ, не жалѣя себя и ставя выше всего добросовѣстное исполненіе лежавшихъ на тебѣ

обязанностей. Занимаясь добросовѣстно своимъ прямымъ дѣломъ, ты не былъ глухъ и къ насущнымъ запросамъ современной церковной жизни. Своими сочиненіями, по отзывамъ лучшихъ цѣнителей, ты высоко держалъ знамя русской богословской науки. Неутомимо трудяся какъ преподаватель и какъ ученый, ты не забывалъ никогда своего главнаго званія, званія христіанина. Твои отношенія къ намъ, твоимъ ученикамъ, всегда были проникнуты духомъ христіанской любви. Этотъ же духъ воплощали въ себѣ и твои чтенія и сочиненія. Скромность и истинно-христіанское смиреніе были лучшимъ украшеніемъ твоей жизни. Мы не можемъ даже представить себѣ, чтобы ты могъ когда причинить кому-либо обиду не только дѣломъ, но даже словомъ. Ни для кого изъ насъ не тайна и то, что весь досугъ, остававшійся у тебя отъ служебныхъ занятій, ты всецѣло посвящаль своей семьѣ, не позволяя себѣ никакихъ другихъ радостей. Такимъ образомъ, ты училъ насъ, какъ мы должны учить другіхъ, не только словомъ, но и самую жизнью своею.

Вотъ почему мы горячо вѣримъ, что тебя ожидаетъ „мѣсто упокоенія“ и что ты вступаешь въ блаженный путь. Съ благоговѣніемъ взираемъ мы въ послѣдній разъ на твои останки, истощенные до смерти твоею никогда не устававшею душою. Прими отъ насъ послѣдній нашъ привѣтъ тебѣ. Миръ праху твоему, дорогой наставникъ, и поклонъ тебѣ до земли отъ всѣхъ твоихъ учениковъ.

Рѣчь студента III курса А. Малинина.

Свершилось!... Безжалостная смерть похитила ученаго, къ голосу котораго прислушивалось все образованное общество. Предъ нами—безжизненный трупъ того, сердце котораго такъ недавно горѣло священнымъ пламенемъ любви ко всему доброму и возвышенному. Какое страшное горе нашей студенческой семьи! Сердце обливается кровью, когда видишь предъ собою бранные останки того, кто оживлялъ насъ, приводилъ въ умленіе, доставлялъ высокое умственное наслажденіе!

Дорогой учитель! Въ этотъ прощальный часъ выслушай нашъ послѣдній привѣтъ тебѣ. Вотъ ты лежишь предъ нами

недвижимъ и безгласенъ. Но твое вдохновенное слово, проникнутое великою любовію—живо и дѣйственно въ насъ. Подобно углю горящему возжигало оно наши сердца и неизгладимо запечатлѣвалось на нихъ. Твоя глубокая правдивость и искренность, твоя горячая любовь къ жаждущему правды и истины студенчеству покоряли наши умы и сердца. Мы знаемъ, что ты горячо любилъ насъ и вѣрилъ намъ, и мы вѣрили твоему правдивому слову, старались претворить его въ свою плоть и кровь, любили и любимъ тебя. Высоко-нравственный характеръ,—ты въ своей жизни стремился къ осуществленію проповѣдуемаго тобою идеала; ты успѣшно училъ насъ той любви, живымъ воплощеніемъ которой былъ ты самъ. Въ аудиторіи мы учились у тебя жизни, и съ каѳедры ты воспитывалъ въ средѣ студентовъ честныхъ и плодотворныхъ дѣятелей. Владѣя серьезными знаніями, ты презиралъ поверхностную, кричащую о себѣ лже-ученость. Ты не искалъ дешевой популярности и не любилъ легкомысленно наполнять свои труды пресловутыми „последними словами науки“. Въ тиши своей рабочей келліи, вдали отъ безтолковой сутолки житейскаго базара рѣшая вопросы громаднаго значенія, ты не шелъ по проторенной другими учеными дорогѣ, но пролагалъ новые пути избранной тобою области церковно-практическихъ наукъ, не уклоняясь на распутія мелочной и пошлой житейской суеты.

Радуйся, дорогой учитель! Въ эти скорбные часы ты видишь себя окруженнымъ твоими дѣтьми по духу. Ты будешь жить въ нашихъ сердцахъ, доколѣ мы живы. Твоя святая любовь побѣдила силу тлѣнія. Пройдутъ десятилѣтія и столѣтія... Всесокрушающее время истребитъ даже имена наши изъ памяти человѣчества. Но доброе сѣмя, насажденное тобою, принесетъ тысячекратный плодъ. Мы вѣримъ въ это, ибо знаемъ, что любовь имѣетъ дивную зиждительную силу. Радуйся, дорогой учитель! Твоя великая любовь препобѣдитъ самое время.

Рѣчь студента IV курса Н. Богдавленскаго.

Прощай, нашъ дорогой профессоръ и наставникъ! Прощай, до новаго нашего свиданія съ тобою въ той странѣ, куда

идешь ты. Вся академическая семья—твои сослуживцы и студенты, всѣ близкіе тебѣ кровные люди, всѣ твои знакомые и друзья собрались сейчасъ въ академическомъ храмѣ, чтобы отдать тебѣ послѣднее братское цѣлованіе любви, собрались и сюда—на кладбище, чтобы проводить тебя въ далекій, невозвратный и неизбѣжный путь, по которому „всеи человѣцы пойдуть“, какъ опредѣлили „Создавый человѣка и рекъ: земля еси и въ землю отыдеши“. О неизбѣжномъ пути, въ который ты идешь, всѣ мы знаемъ и изъ словъ Создавшего насъ и изъ ежедневнаго опыта жизни. Но ни наше откровенное знаніе, ни постоянный опытъ жизни не избавляютъ насъ отъ гнетущаго и тяжелаго чувства, какое мы испытываемъ при видѣ жертвъ смерти, а особенно, когда эти жертвы—близкія намъ или хорошо извѣстныя лица. Примѣръ послѣдняго, къ глубокой нашей скорби, здѣсь на лицо. Это гнетущее чувство ощутительно и тяжело теперь для всѣхъ насъ, собравшихся здѣсь у твоего, дорогой профессоръ, гроба, особенно тяжело потому, что въ этомъ гробѣ лежишь ты—близкій намъ всѣмъ и дорогой человѣкъ.

Утрача тебѣ—горькая для насъ утрача. Наша родная Академія лишилась въ тебѣ одного изъ своихъ старѣйшихъ профессоровъ, почти четверть вѣка самоотверженно трудившагося для ея чести и славы; твои сослуживцы лишились въ тебѣ добраго и усерднаго сотрудника въ ихъ общемъ съ твоимъ дѣлѣ—въ дѣлѣ развитія духовной академической науки и въ дѣлѣ воспитанія и высшаго образованія духовнаго юношества; студенты лишились въ тебѣ опытнаго въ гомилетическомъ дѣлѣ руководителя и наставника; семья—своего кормильца и воспитателя; знакомые—добраго и сердечно-отзывчиваго человѣка. Лишились тебѣ навсегда, ибо сейчасъ—черезъ нѣсколько минутъ—холодная земля приметъ тебя въ свои объятія и сокроетъ безвозвратно въ своихъ нѣдрахъ. Я знаю, дорогой усерднѣйшій наставникъ Василии Θεодоровичъ, что извѣстіе о твоей смерти вызоветъ большую скорбь и печаль въ сердцахъ твоихъ и отсутствующихъ почитателей, находящихся тамъ—на твоей родинѣ—въ Саратовскихъ предѣлахъ. Мнои извѣстны такіе почитатели твоего добраго, отзывчиваго сердца. Отъ нихъ я зналъ тебѣ заочно еще ранѣе, чѣмъ сдѣлался членомъ академической

студенческой семьи,—ранѣе, чѣмъ познакомился съ тобою лично. Когда я только еще мечталъ объ Академіи, то, при моихъ распросахъ о ней, ея строе, начальствующихъ и профессорахъ, мнѣ было названо и твое имя, какъ почтеннаго, добраго и отзывчиваго человѣка—профессора. И въ слышанномъ мною о тебѣ, при личномъ знакомствѣ съ тобою, я не былъ разочарованъ. Твои, добрый усоншій наставникъ, частныя, хотя и немногочисленныя, бесѣды со мною подтвердили слышанное мною о тебѣ отъ твоихъ далекихъ почитателей. Эти бесѣды главнымъ образомъ показали въ тебѣ человѣка добраго, сердечнаго и честнаго. Всѣ сужденія твои, какія я слышалъ отъ тебя о лицахъ и явленіяхъ, проникнуты были миромъ, снисходительностію, терпимостію и любовью. Скорбь слышалъ я въ звукахъ твоего тихаго голоса, когда отмѣчались явленія маложелательныя; тихая радость, удовольствіе сквозили въ твоемъ лицѣ, когда говорили о чемъ—либо свѣтломъ и добромъ. То впечатлѣніе, то чувство, какое я испытывалъ при разговорѣ съ тобою, говорили мнѣ всегда въ пользу твоей искренности. Приходилось мнѣ не разъ слышать умныя рѣчи, которыми убѣждался мой умъ, но все-таки при этомъ оставалось какое-то смутное чувство неудовлетворенности, которое всегда и почти безошибочно говорило мнѣ о фальши въ слышанномъ. Не разъ мнѣ случалось провѣрять это и на опытѣ. Я не испытывалъ этого чувства въ бесѣдахъ съ тобою, мой добрый усоншій наставникъ. (Я не буду передавать здѣсь ни содержанія нашихъ бесѣдъ съ тобою, ни темъ которыхъ мы касались въ этихъ бесѣдахъ).—Изъ нихъ я вынесъ одно убѣжденіе, что ты былъ человѣкомъ честнымъ, добрымъ и сердечнымъ, съ любовью и христіанскою снисходительностію относившійся къ другимъ людямъ.

Что касается дѣла, возложеннаго на тебя Богомъ, то всѣмъ намъ извѣстно, какъ ты добросовѣстно и честно велъ его. Ты сдѣлалъ отъ себя все, что могъ сдѣлать при своей многозаботливой семейной жизни и при своемъ здоровьѣ. Постигшая тебя болѣзнь не остановила тебя въ твоемъ дѣлѣ: ты продолжалъ его дѣлать до послѣдней возможности. Всѣ мы знаемъ, въ какомъ состояніи закончили ты свою послѣднюю ученую работу, всѣ мы знаемъ также, въ какомъ состояніи ты являлся въ аудиторію для чтенія лекцій въ послѣдніе

мѣсяцы и дни твоей профессорской службы въ Академіи. Мы—студенты—тебѣ нерѣдко удивлялись въ этомъ. И въ этомъ твоёмъ самоотверженномъ—даже до вреда своему здоровью—служеніи дѣлу, въ этомъ честномъ и въ высшей степени добросовѣстномъ твоёмъ отношеніи къ взятой на себя обязанности ты далъ намъ, твоимъ ученикамъ и слушателямъ, лучшее назиданіе и лучший примѣръ для подражанія въ нашей будущей дѣятельности. Данный тобою образъ самоотверженнаго служенія принятому на себя дѣлу до конца дней и силъ своихъ, думается и вѣрится мнѣ, найдетъ откликъ въ сердцахъ твоихъ учениковъ и такимъ образомъ не останется безъ добраго плода. Вся твоя трудовая, многозаботливая и подъ конецъ страдальческая жизнь, всѣ твои добрыя качества вселяютъ въ насъ надежду и увѣренность, что правосудный и милосердый Богъ воздастъ тебѣ по дѣламъ твоимъ и вселитъ тебя въ селенія Своихъ вѣчныхъ, о чемъ мы—оставшіеся здѣсь—и будемъ усердно молить всещедрого Бога.

Прости же и прощай до новой загробной нашей встрѣчи, мой добрый наставникъ Василій Θεодоровичъ! Да будетъ миръ Божій съ тобою тамъ—въ загробной жизни—и вѣчная память здѣсь—на землѣ!
